

О.Н. Михайлов. Переделкино, 2005 г.

*Ю.А. Азаров (Москва,
Россия)*

Эмигрантские диалоги Олега Михайлова

Аннотация: В период «перестройки» началось интенсивное изучение литературного наследия русского зарубежья и его активная публикация. Но еще раньше, в пятидесятые годы, Олег Михайлов начал возвращать имена и наследие писателей-эмигрантов. Эпистолярный Олег Михайлова как единый корпус документов профессионально никогда не систематизировался и не публиковался. Фрагментарно эти материалы включались в труды – не только в предисловия и научные статьи, монографии, примечания, но и (наиболее полно) в изданные в 2008 г. воспоминания «Вещая мелодия судьбы», дающие представление о богатстве и уникальности архива писателя. Эта переписка для исследователей – важный первоисточник, поскольку она содержит полученный «из первых рук» материал для изучения литературы зарубежья.

Ключевые слова: русская эмиграция, литература XX века, переписка, воспоминания, источниковедение

Yu.A. Azarov (Moscow, Russia)

Oleg Mikhailov's Emigration Dialogues

Abstract: Perestroika years brought about intensive research into literary heritage of Russian emigration. However, Oleg Mikhailov began to return names and heritage of émigré writers much earlier, in the 1950's. Oleg Mikhailov's letters as a formal unity of documents were never published or systematized professionally. Fragments of these materials were parts of his works, including prefaces, articles, monographs, notes, and, most fully, memoirs, e.g. "The Prophetic Melody of Destiny" in 2008, the book conveying the idea of how rich and unique are the author's archives. His correspondence contains first-hand materials, which make it an essential source of documents for scholars of Russian literature in exile.

Key-words: Russian emigration, 20th century Russian literature, epistolary genre, memoirs, original sources

- А вы понимаете, что вам присылают книжки, приобретенные на средства ЦРУ? – строго сказал ему господин в мятом костюме.
- Я об этом не думаю. Какая разница? Это нужно для моей работы.

(Олег Михайлов. Пляска на помойке) [Михайлов 2000:110]

В 1955 г., окончив с отличием филологический факультет МГУ, О.Н. Михайлов поступил в аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, где обучался до 1958 г. Еще в студенческие годы он начал публиковаться как литературный критик и впоследствии стал автором многих концептуальных работ, посвященных советской литературе. В сфере его исследовательского внимания оказалась и русская эмиграция, что позволило вернуть на родину имена многих писателей, чьи произведения вошли в золотой фонд отечественной литературы XX в. Среди них не только лауреат Нобелевской премии Бунин, но и Аркадий Аверченко, Борис Зайцев, Евгений Замятин, Мережковский, Набоков, Алексей Ремизов, Надежда Тэффи, Иван Шмелев. Именно он определял состав их первых советских изданий, в качестве одного из немногих специалистов по литературе зарубежья принимал участие в подготовке собрания сочинений Бунина, был автором примечаний. В 1988 г. ему довелось стать составителем и комментатором первой в СССР книги прозы «американского» писателя Набокова «Машенька. Защита Лужина. Приглашение на казнь. Другие берега (фрагменты)», его перу принадлежит ее предисловие. Со многими деятелями культуры зарубежья О. Михайлов состоял в переписке, что закономерно вызывало повышенный интерес, как тогда говорили, «компетентных органов». Эта заграничная переписка началась еще в студенческие годы, когда он, участник толстовского семинара профессора и первого декана филологического факультета (до 1945 г.) Н.К. Гудзия, познакомился с переводчиком русской литературы и филологом из Тулузы Мишелем Окутюрье.

На закате «перестройки» началось интенсивное изучение литературного наследия русского зарубежья, его переоценка и активная публикация относящихся к нему текстов. Это во многом отвечало запросам советского читателя, который тогда буквально «заболел» литературой эмиграции, открывая для себя этот прекрасный новый мир. Хотелось бы привести только два примера: в 1990 г. издательство «Правда» выпустило иллюстрированные четырехтомники – В. Набокова и Д. Мережковского. Тираж каждого из них составил 1,7 млн экземпляров – цифра, если говорить уже о нашем времени, просто фантастическая. Запретный плод сладок: интерес к литературе зарубежья у нас существовал всегда, из советской эпохи, – говоря точнее, ее послесталинского периода, – это изучение и ведет свое начало.

Важную роль в те далекие годы сыграли немногие подвижники и среди них О. Михайлов, составитель и редактор упомянутого четырехтомника Мережковского. Он был, без сомнения, личностью уникального масштаба, совмещавшей в себе многие таланты: не только дар яркого прозаика и автора исторических романов, но и критика, литературоведа, который поднял исследование литературы зарубежья на новый уровень. Это относится прежде всего к наследию «белоэмигранта» Ивана Бунина, творчество которого до начала «оттепели» долгое время находилось под запретом. «Реабилитация» писателя состоялась во многом благодаря Константину Федину, руководившему секцией прозы Московского отделения Союза писателей СССР. Именно он через год после смерти Сталина с высокой трибуны Второго Всесоюзного съезда советских писателей «назвал имя» Бунина

и заявил о необходимости возвращения на родину наследия признанного во всем мире «русского классика». Прошло короткое время, и уже в 1955 г. в СССР вышли его «Рассказы», а в 1965 г. Гослитиздат начал выпуск наиболее полного из собранных сочинений Бунина в девяти томах, в котором произведения писателя, хотя и с купюрами, были максимально широко представлены советскому читателю.

Ушла в прошлое советская эпоха и вместе с ней высокая оценка статуса писателя. Жизнь О. Михайлова, которому исполнилось восемьдесят лет, через отмеренное немилосердной судьбой время трагически оборвалась. В ночь на 9 мая 2013 г. он погиб при пожаре в доме № 2 по улице Довженко в писательском поселке Переделкино, где, продолжая творить, вел затворническое существование [Азаров 2013: 185–189]. Истинная причина пожара, как это часто бывает, так и осталась невыясненной. Огонь уничтожил собрание книг, содержавшее редчайшие издания писателей-эмигрантов, эпистолярный архив, уникальное собрание справочной литературы, многочисленные рукописи самого хозяина – почти всю площадь типового дачного дома занимала библиотека. Среди невосполнимых потерь фотографии с автографами, издания с дарственными надписями, портрет будущего императора Александра Павловича в мундире цесаревича с Анненской лентой и звездой, еще многое, многое другое. Ранее часть архива была передана в Российскую государственную библиотеку, однако по объему переданное несопоставимо с тем, что обратилось в пепел. Вплоть до своей гибели О. Михайлов работал в должности главного научного сотрудника ИМЛИ РАН – незадолго до трагедии к нему обратилась дирекция с предложением передать или завещать библиотеку институту, однако этому плану, к сожалению, не суждено было осуществиться. Случай уничтожения писательского архива далеко не первый в Переделкине: за полгода до трагедии на той же улице Довженко сгорела дача другого литератора – Анатолия Рыбакова, в результате чего было утрачено собрание военных мемуаров. Эти потери словно предвещали такую же знаковую, но несопоставимо большую по масштабу утрату постсоветского времени – гибель в 2015 г. в результате пожара значительной части библиотечных и справочных фондов (в том числе из библиотеки ИМЛИ) Института научной информации по общественным наукам РАН.

Переписка О. Михайлова как единый корпус документов профессионально никогда не систематизировалась и не публиковалась. Выборочно эти материалы включались в труды – не только в предисловия и научные статьи, монографии, примечания, но и в отдельные главы изданных в 2008 г. воспоминаний «Вещая мелодия судьбы». В эту книгу, которую автор называл «мое последнее танго», наиболее полно вошла переписка не только с советскими литераторами, но и с теми, кто создавал литературу послереволюционного зарубежья, с еще живущими ее «последними могиканами». По существу, это выборочный обзор личного архивного фонда: в воспоминаниях биография постоянно пересекается с темой историко-литературного исследования, благодаря чему, говоря языком диссертантов, «введены в научный оборот» новые документы. Даваемая без сокращений переписка органично вплетается в ткань мемуарного повествования, документально дополняя размышления о судьбе и литературном процессе, о прошлом и будущем, о событиях прожитой жизни. В ряде случаев эпистолярный текст служит отправной точкой для рассказа о каком-то интересном факте, эпизоде литературной полемики, раскрывает ее скрытое на первый взгляд содержание.

Не один год продолжалась «заочная дружба» с Борисом Зайцевым – прозаиком, в свои девяносто лет пережившим «старую» эмиграцию, который состоял пред-

седателем Союза русских писателей и журналистов в Париже. Не менее интересна переписка с другими известными корреспондентами: Верой Николаевной Муромцевой-Бунинной, Георгием Адамовичем, племянницей и душеприказчицей Ивана Шмелева Юлией Кутыриной и ее мужем поэтом Иваном Новгород-Северским, с князем Шаховским – архиепископом Иоанном Сан-Францисским и Западно-Американским, прозаиком и поэтом, издававшим свои сочинения под псевдонимом «Странник». Нельзя не упомянуть переписку с Александром Сионским – литератором и белым офицером, активным членом Русского общевойскового Союза, Народно-трудового союза и парижской «Русской мысли», который присылал необходимую для работы литературу. Трудно поверить, но все происходило в то время, когда в «Известиях» была напечатана статья под грозным заголовком «Битая ставка г-на Сионского», заклеившая позором «предателя» и «махрового антисоветчика» [Зорькин 1969]. Отдельная глава посвящена депутату Государственной думы, писателю и публицисту Василию Шульгину, члену делегации, которой Николай II когда-то передал отречение от престола. В 1945 г. он был арестован в Югославии, депортирован в СССР и осужден за антисоветскую деятельность. Историко-литературное богатство книги этим не исчерпывается: тут и литературно-биографические портреты Варлама Шаламова, прозу которого «открыл» О. Михайлов, Леонида Леонова, Бориса Слуцкого, Корнея Чуковского, «русского Вийона» Сергея Чудакова и многих других, с кем на разных этапах связывала автора судьба.

Очевидно, что переписка О. Михайлова является важнейшим источником полученного «из первых рук» фактического материала для исследователей русской литературы XX в. и литературы зарубежья. Здесь доверительные беседы «о жизни», творчестве и многое другое: у иностранных адресатов часто запрашивались сведения, которые в то время даже в спецхранах получить не представлялось возможным. Содержащаяся в переписке информация позволяет устранить многие неточности, которые и до сего дня «кочуют» из публикации в публикацию и даже распространяются с телевизионных экранов: в частности, домыслы по поводу отношений Л.Ф. Зурова и семьи Буниных. Вместе с тем она помогает воссоздать живые портреты писателей зарубежья, их психологические особенности, нашедшие отражение в творчестве, объясняет и уточняет важные нюансы непростых подчас взаимоотношений.

Заочное общение О. Михайлова со своими корреспондентами неизменно носило дружеский характер, и, как правило, с годами эта эпистолярная дружба только укреплялась. Закономерным следствием контактов с «белоэмигрантами» стало негласное объявление его «невъездным», лишавшее всякой надежды увидеть русский Париж, о котором он так много писал.

«Звездопад» писем, по собственному выражению О. Михайлова, пролился на него не вдруг и не сам по себе; переписку он начинал, когда для этого требовалось не только желание, но и определенное мужество. «Мужество» здесь слово не случайное: перелистываемые страницы писем перемежаются в воспоминаниях рассказом о том, как непросто было начинать изучение литературы зарубежья, как, например, было отложено на годы издание подготовленной книжки рассказов Тэффи, как критиковали автора за последний том собрания сочинений Бунина. В результате, когда в 1970-е гг. стало ясно, что тема русского зарубежья снова под запретом, ему пришлось «эмигрировать» в историческую прозу. Начиная с 1973 г. он пишет исторические романы и документально-художественные биографии писателей.

В 1957 г. О. Михайлов написал статью «Проза Бунина», появившуюся на страницах журнала «Вопросы литературы». Даже серьезная редакторская правка на стадии верстки не спасла статью от резкой критики: главный редактор издательства «Советский писатель» Б. Соловьев заявил, что в статье Бунин «превращен в икону», а секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков нашел в ней «ложные идеи и ложные репутации»; в литературных верхах высказывались другие не менее резкие суждения [Михайлов 2008: 165]. Понятно, что совсем иным было восприятие статьи в эмиграции. В целом ее положительно оценил знаменитый Глеб Струве, отметив недостатки, которые, по его мнению, закономерно обусловлены обязательными в Советской России идеологическими запретами. В том же году О. Михайлов решил письменно обратиться к Вере Николаевне Муромцевой-Буниной, задав ей вопрос о принципах публикации сочинений Бунина на родине, и 13 декабря получил долгожданный ответ. Вера Николаевна писала ему о составе собрания сочинений и первоисточниках для возможного академического издания: «Я считаю, что нужно издавать произведения Бунина по последним изданиям, такова была воля Ивана Алексеевича, то есть, значит, по изданию Чеховского издательства (те произведения, которые вошли в эти книги).

Вы спрашиваете, как быть с этими <сделанными Буниным. – Ю.А.> купюрами? Да никак, не печатать их для широкой публики. Они интересны **только** <выделение в опубликованном в книге тексте. – Ю.А.> для тех, кто изучает творчество автора, и их можно печатать в приложении **только** в академическом издании. Читателю не нужно показывать кухню автора» [Михайлов 2008: 166]¹.

Тогда Вера Николаевна не могла предполагать, что и через 60 лет работа по непосредственной подготовке академического собрания еще не начнется. «Жизнь Арсеньева. Юность» стала первой книгой нью-йоркского Издательства им. Чехова (Chekhov Publishing House), которая вышла в 1952 г.; через некоторое время появились еще четыре книги, включавшие разные произведения Бунина. Они были изданы по правилам новой орфографии, против чего писатель ранее категорически возражал, однако теперь дал на это согласие, но с обязательным условием использовать букву «ё». Произошло это в результате долгих переговоров при участии его давнего друга М.А. Алданова, который отвечал за составление программы издательства. Не последнюю роль в этом деле, вероятно, сыграло и то, что Чеховское издательство платило авторам очень высокие для того времени гонорары.

Впоследствии О. Михайлов получил от Веры Николаевны необходимые для работы сборники редких в то время бунинских произведений, в том числе сборник 1929 г. «Избранные стихи», а также книгу ее воспоминаний «Жизнь Бунина» с дарственной надписью. Еще одним «подарком», полученным от Веры Николаевны, стал парижский адрес Б. Зайцева, с которым О. Михайлов переписывался в течение многих лет, и заочное знакомство переросло, несмотря на разницу в возрасте, в доверительные отношения. Эти заочные беседы друзей примечательны не только своим содержанием, но и хронологической протяженностью – начиная с 1959 (Зайцеву исполнилось тогда 78 лет) до 1972 г., последнее письмо было отправлено в Москву за несколько дней до его смерти. Ценность писем Зайцева прежде всего в том, что в них представлена общая характеристика чуть ли не всей эмигрантской литературы. Так, в ней отражены особенности восприятия творчества Набокова в литературной среде эмигрантского Парижа, малоизвестные обстоятельства отъезда писателя в Соединенные Штаты. Открывается истинная

¹ Письмо от 13 декабря 1957 г.

история многолетней дружбы Бунина и Зайцева, которая со временем дала трещину. Это товарищество, почти идиллическое, прекратилось лишь в 1945 г., когда Бунин вышел из Союза русских писателей и журналистов во Франции. Сделал он это в знак протеста против исключения из него литераторов, получивших советское гражданство, считая, что Зайцев его не поддерживает и ведет против него закулисную борьбу. Незадолго до кончины Бунина Зайцевым было отправлено ему письмо, точно восстанавливающее факты и причины размолвки. Но на пороге уже стояла смерть – ответ так и не был получен. Как ни странно, в итоге сложившиеся близкие отношения О. Михайлова с Зайцевым стали невольной причиной того, что связь с Верой Николаевной прервалась. Зайцев, как, впрочем, и Бунин, навсегда сохранил непримиримость по отношению к советской власти, а Вера Николаевна в конце жизни получала пенсию от советского правительства.

Зайцевские письма разнообразны по своей тематике: здесь и оценка языка Бунина, средств и приемов внешней изобразительности в его произведениях, сравнение писателя со Львом Толстым, хотя, по мнению Зайцева, «внутренне, по душе, он не наследник великой традиции нашей литературы (XIX в.)» [Михайлов 2008: 175]¹. Речь шла и об Иване Шмелеве. «Писатель сильного темперамента, – отмечалось в письме, – страстный, бурный, очень одаренный и подземно навсегда связанный с Россией, в частности с Москвой, а в Москве особенно – с Замоскворечьем. Он замоскворецким человеком остался и в Париже, ни с какого конца Запада принять не мог. Думаю, как и у Бунина, и у меня, наиболее зрелые его произведения написаны здесь. Лично я считаю лучшими его книгами “Лето Господне” и “Богомолье” – в них наиболее полно выразилась его стихия» [Михайлов 2008: 176]. Оценивая Шмелева, представляющего собой «отчасти фигуру из Достоевского», Зайцев в том же письме сообщает, что «Человек из ресторана» – произведение «довольно слабое и элементарное» [Михайлов 2008: 178]. По его мнению, «Лето Господне» и «Солнце мертвых» гораздо сильнее и выше, однако их публикация, по понятным причинам, в то время в СССР вряд ли возможна. Вызывает интерес оценка Набокова и его произведений, подписанных псевдонимом «Сирин», которые, как мы узнаем, Зайцев ставил намного выше романов американского периода. В других письмах он вспоминал об Аверченко и Куприне, вместе с которым участвовал в работе съезда эмигрантских писателей в Югославии.

Не один раз Зайцев приглашал О. Михайлова навестить его в Париже: «Приезжайте к нам. Много есть о чем поговорить. Я еще пока жив, но торопитесь, помру, некому будет рассказать о доисторическом времени» [Михайлов 2008: 193]².

Именно так, как предвидел Зайцев, все и произошло: «Там, в далеком Париже, – с нескрываемой горечью пишет О. Михайлов, – у меня был старший друг <...>. Он звал меня, хотел рассказать о многом, о том, что не доверишь перлюстрируемыми письмам. Но меня не выпускали даже в социалистическую Болгарию...» [Михайлов 2008: 190].

«Встреча» состоялась только через двадцать лет: «Я навестил Бориса Константиновича на кладбище, в Сент-Женевьев-де-Буа в 1986 году. Постоял у могилы его и Веры Алексеевны <жена Б. Зайцева. – Ю.А.>, положил цветочки. А потом подошел к другой могиле – Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных» [Михайлов 2008: 192].

¹ Письмо от 17 апреля 1959 г.

² Письмо от 29 ноября 1966 г.

Зайцев был тем, кто заочно познакомил О. Михайлова с Юлией Александровной Кутыриной, племянницей жены Шмелева и наследницей его литературного архива и авторских прав – их переписка началась в 1959 г. и продолжалась около двадцати лет. В результате удалось получить необходимые материалы для издания произведений Шмелева на родине. Нет смысла доказывать, насколько они важны для изучения его творческого наследия, в котором и до сего дня остается много белых пятен.

Подобных примеров можно привести множество. В заключение хотелось бы отметить, что сохранившаяся переписка О. Михайлова заслуживает более подробного обзора и далеко не исчерпывается диалогами с эмиграцией. В ней представлена не только ситуация в литературе и контекст времени – она изобилует бытовыми и житейскими подробностями, многими «частными», на первый взгляд, деталями взаимоотношений в писательской среде, которые исследователь, скорее всего, вряд ли обнаружит при изучении других источников. О них, как правило, редко пишут в биографиях и формализованных летописях жизни и творчества. Однако в нюансах часто раскрывается главное. Именно они словно «изнутри» проясняют те или иные обстоятельства писательского существования в эмиграции, позволяя лучше понять характеры, поступки и творческие замыслы. Кроме того, в письмах отражена история возвращения литературы зарубежья на родину, ярче, чем где бы то ни было, отмечены черты уходящей от нас все дальше легендарной эпохи, которая началась после того, как К. Федин «назвал имя» Бунина.

ЛИТЕРАТУРА

- Михайлов Олег.* Пляска на помойке. М.: ООО «Гейта итерум», 2000. 208 с.
Азаров Ю.А. Гибель филолога // *Stephanos*. 2013. № 1(1). С. 185–189 (www.stephanos.ru).
Зорькин Л. Битая ставка г-на Сионского // *Известия*. 1969. 7 мая.
Михайлов О.Н. Вещая мелодия судьбы. М.: ИД «Сибирский цирюльник», 2008. 372 с.

REFERENCES

- Mikhailov Oleg. (2000) *Dance on the Scrap-Heap*. Moscow. Geya Iterum Publ. 280 p.
Azarov Y.A. Death of a Philologist. *Stephanos*. 2013. No 1(1), pp. 185–189 (www.stephanos.ru).
Zor'kin L. The Broken Rate of Mr. Sionsky. *Izvestiya*. 1969. May 7.
Mikhailov O.N. (2008) *The Prophetic Melody of Fate*. Moscow. Sibirsky Tzeryulnik Publ. 372 p.

Сведения об авторе:

Юрий Алексеевич Азаров,
доктор филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН

Yuri A. Azarov,
Doctor of Philology
Leading Researcher
A.M. Gorky Institute of World Literature RAS

gmammoth@mail.ru